

Правовая доктрина в контексте парадигмальной модели общественного развития

О. М. Казакевич

соискатель Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.

Адрес: ФГНИУ «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации»,
117218, Москва, ул. Б. Черемушкинская, д. 34.
E-mail: kazakevich_olga2@inbox.ru

Legal Doctrine in the Context of a Paradigmatic Model of Social Development

O. M. Kazakevich

Postgraduate student of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation.

Address: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation,
44 B.Cheremushkinskaya Street, 117218, Moscow, Russian Federation.
E-mail: kazakevich_olga2@inbox.ru

Аннотация

В статье предпринята попытка с позиции парадигмального подхода рассмотреть вопросы развития правовой доктрины как части социального знания, призванного обеспечить должное состояние правопорядка. Предметом исследования послужил парадигмальный подход и познавательные возможности его применения в правовых исследованиях. Методологию исследования составил всеобщий диалектический метод познания, общенаучные и частнонаучные методы исследования, включая такие познавательные средства, как анализ, синтез, индукция, дедукция и др. Автором выделяются три наиболее общих типа парадигм: архаичная, традиционная парадигмы и парадигма модерна. Предлагается подход, в силу которого архаичная парадигма конструирует мононормы, направленные на наиболее общее социальное регулирование; традиционная исходит из размежевания морали, нравственности, религии и права; парадигма модерна предполагает отграничение права от религии, в связи с чем утрачивает свое сакральное содержание и становится исключительно светским институтом, требующим социальной легитимации. Обоснованию существующей модели правопорядка в рамках каждой указанной парадигмы служит правовая доктрина, устанавливающая в рамках соответствующих познавательных инструментов наиболее значимые ценности и политико-правовые идеалы.

Ключевые слова: антропология права, догматика права, интегративное правопонимание, концепция исторического прогресса, модерн, научная революция, научное знание, парадигма, парадигмальный подход, право, правовое развитие, правопорядок, социальное конструирование, юридическая наука.

Abstract

The article attempts to consider the issues of the development of legal doctrine as part of social knowledge designed to ensure the proper state of law and order from the standpoint of a paradigmatic approach. The subject of the study was the paradigmatic approach and the cognitive possibilities of its application in legal research. The research methodology was compiled by the universal dialectical method of cognition, general scientific and private scientific research methods, including such cognitive tools as analysis, synthesis, induction, deduction, etc. The author identifies three most common types of paradigms: archaic, traditional and modern paradigms. An approach is proposed by virtue of which the archaic paradigm constructs mononorms aimed at the most general social regulation; the traditional one proceeds from the separation of morality, morality, religion and law; the modern paradigm assumes the separation of law from religion, in connection with which it loses its sacred content and becomes an exclusively secular institution requiring social legitimization. The justification of the existing model of law and order within the framework of each specified paradigm is served by a legal doctrine that

establishes, within the framework of appropriate cognitive tools, the most significant values and political and legal ideals.

Key words: anthropology of law, dogmatics of law, integrative legal understanding, concept of historical progress, modernity, scientific revolution, scientific knowledge, paradigm, paradigmatic approach, law, legal development, law and order, social construction, legal science.

Свойственное научному мышлению стремление к классификации явлений с целью предсказания дальнейшего движения природы является его важнейшим свойством. В этом отношении формула единства научного знания всех существующих форм материи (физической, химической, биологической и социальной – наиболее сложной) предполагает распространение законов развития научной мысли на каждую из них. Ограничение применимости парадигмального подхода к социальному знанию (знанию, «не столько раскрывающему, сколько конструирующему законы природы») выглядит спорным. Безусловно, научное обоснование современных концепций развития законодательства предполагает определенную степень социального конструирования, преобразования порядка вещей исходя из определенного представления об их природе¹. В то же время сомнительна возможность такого конструирования на основании идей и ценностей, которые не свойственны обществу в рамках определенного конкретно-исторического контекста. По этой причине науковедению как области исследований, изучающей закономерности функционирования и развития науки, как видится, не следует отстраняться от развивающейся дискуссии по поводу парадигмального подхода к правовой доктрине и даже к отдельным правовым институтам².

Термин «парадигма» впервые был применен известным физиком и историком Т. Куном применительно к естественным наукам [22]. Парадигма мыслилась им как модель научной деятельности, определяемая принятыми аксиоматическими концепциями, на основании которых выстраиваются научные теории. По мере утраты объяснительного потенциала существующих теорий происходит переосмысление господствующих методологических установок и образуются новые модели формирования научного знания, отрицаю-

щие старые. В этом отношении Т. Кун рассматривал парадигму как элемент так называемой научной революции, благодаря которому осуществляется не поступательное планомерное развитие, а резкий скачок из одной системы научного знания в другую, отвечающую потребностям современности. Указанный подход, активно воспринятый отечественными правоведом, полезен в той мере, в какой он предполагает реализацию известных законов диалектики о синтезировании научного знания через отрицание предыдущих установок и позволяет выстраивать научные концепции, ориентируясь на развитие и относительность существующих господствующих установок. По этой причине парадигмальный подход востребован представителями интегративного понимания права, стремящимися сформулировать универсальное понятие права исходя из детерминирующего на конкретном этапе подхода к должному правовому регулированию.

Юридическая наука, а за ней и практика, восприняли термин «парадигма» для целей обозначения системы устоявшихся представлений³. По справедливому замечанию Н. А. Власенко, он имеет «эффективное методологическое значение для поиска новых знаний, по большому счету, для смены устоявшейся “картины” знаний» [4] при его использовании в словосочетании «смена парадигм». В этом отношении вряд ли можно согласиться с позицией А. М. Асадова: «Современное состояние юридической науки характеризуется радикальным, сопоставимым с научной революцией, изменением парадигмальной системы, состоящим в отказе от монистической модели науки, в рамках которой исторический и диалектический материализм квалифицировался как единственная подлинно научная теория и методология... При такой ситуации целесообразно отразить существующие в юридической науке парадигмальные системы и обозначить наиболее значимые из них, каковыми без сомнения являются институциональный и системный (структурно-функциональный) подходы» [1].

¹ Емко и точно эту мысль выразил К. Маркс: «государственная власть не делает законов, не изобретает их, а только формулирует» [12].

² Пожалуй, наиболее заметной работой по данному вопросу остается исследование Е. А. Войничанис [5].

³ См., например, [2; 5; 11].

Как видится, отказ от признания исторического материализма в качестве единственно верной теории, а также отказ от применения материалистического метода в качестве единственного научного метода не предполагает необходимости полного отказа от них в силу непригодности для дальнейшего развития. Напротив, плюрализм методологических подходов, позволяющий использовать различного рода метафизические концепции, был известен человечеству давно и на сегодняшний день вряд ли отвечает целям развития и тем более способен сформировать научную картину мира. Также концепция исторического прогресса, которая критикуется сегодня за узость своего объяснительного потенциала в условиях признания уникальности путей развития отдельных государств и цивилизаций, не утратила своей актуальности в части перехода общественного развития из одной исторической ситуации (общественно-экономической формации) в другую. Даже само признание А. М. Асадовым приемлемости парадигмального подхода в рамках научного прогресса по существу диалектично, как диалектичен и формационный подход. По законам диалектики развивается мир в концепции постиндустриального общества, разделяя его на доиндустриальное, индустриальное и постиндустриальное.

Более того, А. М. Асадов признает, что получившие в современных условиях распространение «парадигмальные системы» представлены институциональным и системным (структурно-функциональным) подходами, известными еще в досоветский период российской истории [1]. При этом оба этих подхода в полной мере развивались и в советское время. Можно даже признать, что системный метод в юриспруденции как раз в советский период получил широкое развитие и существенно повысил качество нормотворческой и правоприменительной работы. По замечанию Н. А. Власенко, системная методология «... привнесла в юридическую науку много полезного. Право стали характеризовать как сложное, полиструктурное системное образование, обладающее всеми основными свойствами, присущими системам вообще» [4]. К системосохраняющим факторам автор относит правотворчество, коллизионное право, судебную практику и т. д. [4]. Все указанные правовые явления были предметом изучения советской юридической науки, выводы которой зачастую на сегодняшний день воспроизводятся в качестве общепринятых.

Таким образом, можно заключить, что сама по себе смена политического режима, экономического курса, идеологической основы государства не предполагает смену парадигмы научного знания, поскольку научная дискуссия ведется в рамках прежней догматики и прежних, детально изученных советским правом основ понимания права. Критерием, позволяющим говорить о смене парадигмы, видится переход от одного типа мышления к другому, притом безвозвратный (при условии сохранения тенденций общественного развития). Применительно к общесоциальному уровню по этой причине можно говорить о трех типах парадигм: архаичной, традиционной и модерна. Термин «тип» употреблен сознательно. В силу очевидной исторической природы данной классификации напрашивается термин «этап». Кажется очевидным, что традиционная парадигма должна прийти на смену архаичной, а модерн заменить традицию. Однако мало того, что в силу одновременного сосуществования нескольких культурно-исторических общностей применительно к каждой из них могут одновременно существовать все три типа парадигм, так еще и в рамках одной культурно-исторической общности не может быть исключен обратный переход, например, от парадигмы модерна к традиционной парадигме (деградационный сценарий).

Известный историк права В. Г. Графский предлагает вести отчет истории права начиная с первобытного (догосударственного) права исходя из того, что на данном этапе существовали нормы *казуистического* характера, направленные на установление *объективной* картины обстоятельств дела. При этом сначала обычное право – это «орудие поддержания порядка без участия государственно-властного администрирования»¹. В свою очередь Е. Н. Черных² и А. Б. Венгерова³, привнесшие в отечественный курс преподавания теории государства и права открытия антропологической науки, предлагают исходить из наличия в первобытном праве нормативных характеристик и именовать их «нормативными регуляторами», относя к их числу следующие области воздействия: 1) биолого-психологическую; 2) брачно-

¹ Графский В. Г. Всеобщая история права и государства : учебник для вузов. – М. : Норма, 2000. – С. 39.

² Теория государства и права : учебник / под ред. В. В. Ершова. – М. : Юрайт, 2004.

³ Венгерова А. Б. Теория государства и права : учебник. – М. : Дашков и К, 2019.

семейную; 3) корпоративно-групповую; 4) мифолого-религиозную; 5) правовую; 6) моральную. Существенную роль для формирования данных типов регуляторов имели сложившиеся в первобытном обществе церемониалы, связанные с потребностью социального упорядочивания, взаимопомощи и поддержки членов общины. Как отметил А. И. Ковлер, «начало социогенеза трудно проследить по памятникам каменной индустрии ... но, тем не менее, можно привести пример погребения из Ля Шапеля, в котором находился 40–50-летний палеоантроп, пораженный жесточайшим деформирующим артритом. Этот пример свидетельствует о том, что только при бесперебойном обеспечении пищей ... этот человек мог просуществовать несколько лет»¹.

Приведенный автором пример наряду с иными убедительно демонстрирует стремление человеческих первобытных общин к формированию социальной культуры поддержки их членов. Первоначально такая поддержка осуществлялась путем применения негосударственных, архаичных, религиозно-этических регуляторов. В последующем, в процессе зарождения государственности, существенную роль в регулировании общественных отношений получили законодательные нормы, тесно связанные с сакральной составляющей отношений власти и подчинения. В этом отношении можно провести разницу между первобытным (архаичным) периодом истории, в рамках которого право переплетено с мифологией и имеет магическую природу². Разделение же «нормативных регуляторов» ознаменовало коренной перелом в мировоззрении, определило дальнейшее разграничение права и морали, обозначило различие между публичным установлением правил поведения, основанных на возможности принуждения к исполнению, и всеобщеподобаемому, или порицаемому, поведению, не влекущем публичных карательных мер.

В свою очередь, государственная власть периода античности и средневековья легитимировалась за счет религиозно-этической основы, и соответствующее влияние испытывало на себе право. В. С. Нерсесянц указывал, в частности, на закономерность ценностно-культурных устано-

вок, системы этических и религиозных взглядов конкретного общества для формирования правовой культуры и правовой системы³. По этой причине на протяжении истории даже в условиях изменения социально-экономических, политических и иных условий жизни общества сохраняется преемственность в историко-культурном отношении между правом и моралью, правом и религией. С другой стороны, изменение материальных условий жизнедеятельности, предполагающее переход от одних форм общественных отношений к другим, требует перестраивания правотворческих и правоприменительных практик. В этом отношении существенное значение имеет процесс разделения труда, формирования новых производственных отношений, которые составляют предмет экономической науки, а не юридической [19].

При этом с учетом взаимной связи данных направлений исследования необходимо отметить следующее. Существенное значение для перехода от архаичной формы правопорядка к традиционной является отношение общества к обращению с ресурсами, в частности, с землей. Установление прав на землю отмечается подавляющим большинством исследователей в качестве обстоятельства, ознаменовавшего переход от доисторических форм отношений на основе равенства членов общины, занимавшейся собирательством и охотой, к оседлому образу жизни, требующему управления порядком жизнеобеспечения за счет земли (выращивания пшеницы, разведения домашних животных и т. д.). Переход к потребности управления общественным производством и, следовательно, разделение труда сформировали классовое общество, в рамках которого изменилось отношение к земле как к объекту правовых притязаний. Вместо коллективного ресурса земля стала рассматриваться в качестве объекта индивидуальной собственности управленческого класса, полномочия которому дарованы по праву крови. В дальнейшем, при переходе от традиционного общества к обществу модерна, оформилось разделение: государственный суверенитет в отношении территории, подлежащей государственному управлению и защите, и собственность на землю, которой

¹ Ковлер А.И. Антропология права: учебник для вузов. – М.: Норма, 2020. С.108.

² Например, обряд манципации, существовавший в римском праве, имеет указанные характерные черты. См. [8].

³ См.: Нерсесянц В. С. Общая теория права и государства: учебник. М.: Норма; Инфра-М, 1999. – С. 272–277.

наделяются отдельные лица с целью организации жизнедеятельности.

Вслед за указанным процессом разделения труда в рамках архаики, традиционного общества и общества модерна развивалась и правовая доктрина как система взглядов на нормативное регулирование общественных отношений в рамках дискурса соответствующей парадигмы. На архаичном этапе освещением содержания должного правопорядка заняты жрецы, шаманы и иные члены общины, воспринимаемые в качестве проводников между земным миром и миром потусторонним. Право на данном этапе еще не существует отдельно от иных социальных норм и неразрывно связано с религией и этикой. Сочетается подобный порядок правления с коллективной собственностью на землю и мифологическим мировоззрением, как правило, религиозным политеизмом. В качестве формального выражения источников подобного рода норм можно обозначить Законы XII таблиц в Древнем Риме, европейские правды (Вестготская, Салическая, Рипуарская, Англосаксонская, Баварская, Алеманнская, Тюрингская, Фризская и т. д.) периода VI–VIII вв. н. э. [21].

Последовавшее усложнение системы разделения труда, формирование новых средств производства, торговли потребовали усложнения системы правил общежития и установления общепризнанных норм, основанных не на божественном или обычном происхождении, а на общих представлениях о должном и справедливом. Благодаря этому стало возможным вести дела с соседними племенами и международную торговлю несмотря на культурные, религиозные и иные отличия. Новая система универсальных норм формировала публичный порядок, пусть и не разорвавший связи с религиозными представлениями о происхождении государственной власти и принимаемых ею управленческих решениях, а также размежевала право и действие иных социальных регуляторов, оформила правовую доктрину как совокупность суждений ученых-правоведов о должном правовом регулировании. Формирующиеся монотеистические религии по всему миру ускорили процесс перехода к традиционному правопорядку и оформление индивидуальной собственности на землю.

В дальнейшем ускорение исторического процесса и глобализация, связанная с религиозными войнами, Реформацией, обоснованием идеи государственного суверенитета и правового госу-

дарства, привели к формированию парадигмы модерна и представлениям о правопорядке как о светском праве и наличии у него нескольких уровней порядка регуляции, в частности, национального, регионального и международного [7].

Разная скорость процесса перехода от традиционного порядка управления к модерну может быть продемонстрирована на примере отмены традиционных способов ведения хозяйства: в России крепостное право было отменено лишь в XIX в., в то время как в европейских государствах большая часть элементов подобного рода производственных отношений к этому моменту уже не существовала. В. И. Сергеевич отметил, что в России переход к принципиально новому уровню государственного управления пришелся на вторую половину и конец XV – начало XVI в., т. е. на царствование Ивана IV Грозного [18]. С подобным подходом солидарны такие исследователи, как Н. М. Карамзин [9], Н. И. Костомаров [10], С. М. Соловьев [20], В. О. Ключевский¹. Логика подобного подхода прослеживается в отношении к земле как к родоплеменному ресурсу в течение периода от образования древнерусской государственности, последовавшего затем монгольского нашествия, освобождения от монгольского ига и завоевания новых земель, что требовало совершенствования методик управления. Не послужило делу ускорения процесса правового развития и отсутствие полноценной рецепции римского права в период начиная с принятия христианства в правление Владимира I. Этим во многом объясняется сохранение в течение длительного периода, вплоть до XIX в., архаичных элементов правопорядка (например, родовых – т. е. коллективных, и благоприобретенных – т. е. индивидуальных имений дворянства, согласно классификации, отраженной в работах К. П. Победоносцева²). Г. Ф. Шершеневич уже применительно к крестьянскому сословию указывает на общинную собственность как право собственности на землю, принадлежащее не конкретному лицу, а союзу сельских обывателей, каждый из которых в отношении нее обладает только правом пользования³.

¹ Ключевский О. В. Русская история. Полный курс лекций : в 5 ч. – М. : Мысль, 1993.

² Победоносцев К. П. Курс гражданского права : первая часть. – М. : Статут, 2002. – С. 141–183.

³ См.: Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. – М. : Спарк, 1995. – С. 217–226.

В результате В. И. Сергеевич пришел к выводу, что в России ни до XVI в., ни впоследствии не оформилось полноценной системы феодальных отношений. Можно соглашаться с данным выводом, можно опровергать его, но очевидным является то обстоятельство, что применительно к Древнему Риму и Европе мы видим последовательное изменение уровня разделения труда, общесоциальной парадигмы в праве и правопорядка. Для России эта последовательность не соблюдается. С одной стороны, принятие христианства стало опережающим изменением общесоциальной парадигмы, от которой отстал и уровень разделения труда, и правопорядок. С другой стороны, на XIX век приходится начало перехода от традиционной парадигмы к парадигме модерна, начало формирования национального правопорядка, соответствующего парадигме модерна, но в тоже время этот нарождающийся национальный правопорядок сохраняет архаичные элементы. По замечанию П. Н. Милюкова, даже русский город «... не был естественным продуктом внутреннего экономического развития страны. ... Раньше, чем город стал нужен населению, он понадобился правительству...» [14]. В таких условиях основания для признания российского феодализма, предполагающего наличие правопорядка, исходящего из индивидуальной собственности на землю, отсутствовали. Более того, верховная власть всячески противодействовала формированию такого правопорядка, о чем свидетельствует, например, дело Вердеревского, описанное К. П. Победоносцевым¹. Данное обстоятельство не позволяло сформироваться в России гражданскому обществу в значении, придаваемом указанному термину в европейской и американской научной литературе.

При обращении к парадигме модерна необходимо отметить ее наступление вследствие зарождения промышленного производства, индустриализации, перемещения сельского населения в города (урбанизации), развития и усложнения государственных институтов, формирования бюрократического аппарата, а также зарождения гражданского общества [6]. Рационализация отношений в обществе предъявила такие требования, как секуляризация, повышение обоснованности принимаемых управленческих решений, установление формально-определенных правил

поведения, распространение юридического равенства для целей стабильности и предсказуемости жизни. Усложнение взаимодействия между людьми в обществе модерна потребовало формирования демократических институтов коллективного принятия решений. В отличие от соответствующих институтов античности и средневековья, в обществе модерна принцип демократизма в принятии решений принял массовый характер и потребовал институционального оформления.

Указанное явление вынужденно нашло отражение в философско-правовой доктрине, в рамках которой переломное значение имеют взгляды, отраженные в работах Г. В. Ф. Гегеля, выстроившего цепочку развития общества через взаимоотношения в семье, в гражданском обществе и в государстве как в трех ипостасях человеческого взаимодействия, диалектически обуславливающих друг друга. Указанное взаимодействие возможно только после преодоления периодов дикости и варварства, поскольку требует определенной цивилизационной надстройки, составленной из права, морали, долга, культуры, образования [7]. Государство и право, в свою очередь, являются институтами обеспечения общественных потребностей, защиты права собственности, согласования воли в процессе товарообмена и иных форм взаимодействия. Указанная концепция согласуется с экономическими подходами сервисного государства, концепциями утилитаристов и либеральными рыночными идеями, заложенными в основу капиталистического миропорядка [13. – С. 18; 16. – С. 17–23; 17. – С. 11–41]. Наряду с установлением общесоциальных основ правового регулирования право как предмет научного познания предстает для философии в качестве инструмента системного упорядочивания общественных отношений, которому присущи свои объект, предмет, метод, а также субъекты.

Таким образом, можно проследить взаимосвязь между переломными моментами общественного развития, определяемыми резким изменением условий разделения труда, появлением новых технологий производства общественных благ и связанных с этим потребностей в изменении структуры собственности. В данном случае право, выполняя служебную роль по отношению к экономическим отношениям, призвано устанавливать условия жизнедеятельности исходя из требований конкретной исторической эпохи. Познавательный потенциал современной соот-

¹ См.: Победоносцев К. П. Указ соч. – С. 152 – 154.

ветствующему периоду системы нормативного регулирования предполагает также опору на существующую методологию познания, связанную с закономерностями общественного развития.

Правовые нормы формулируются исходя из общественного запроса и реализуют господствующие представления о сущности государства и права. При этом основой для обоснования содержания и форм внешнего выражения правовых норм являются как капиталистические, либеральные, а за ними – и неолиберальные идеи,

так в указанном качестве могут быть представлены и иные подходы к пониманию права, исторического процесса, экономических отношений и т. д. С точки зрения правовой доктрины догматика права не изменяется в зависимости от указанных явлений. Влияние на нее оказывает изменение научной картины мира и глобальных форм мироустройства, базовых принципов социальной легитимации правовых норм, устанавливаемых исходя из господствующей философской картины мира.

Список литературы

1. Асадов А. М. Косвенные (опосредованные) административно-правовые отношения в сфере экономики и финансов : дис. ... д-ра юрид. наук. – Челябинск, 2014.
2. Батурина С. В. Традиции российской правовой доктрины : дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2008.
3. Боден Ж. Шесть книг о государстве // Антология мировой политической мысли : в 5 т. – Т.2. – М. : Мысль, 1999. – С. 689–795.
4. Власенко Н. М. Методологические основания исследования правовых ценностей : монография. – М. : Норма, 2023.
5. Войниканис Е. А. Парадигмальный подход к исследованию интеллектуальных прав : дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2018.
6. Гаджиев К. С. Политическая наука. – М. : Международные отношения, 1995.
7. Гегель Г. В. Ф. Философия права. – М. : Мысль, 1990.
8. Дождев Д. В. Правовое общение: опыт римского права // Правовое общение: Постановка проблемы. – М. : Юрлитинформ, 2012. – С. 100–156.
9. Карамзин Н. М. История государства Российского. – М. : Альфа-книга, 2011.
10. Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. – М. : Мысль, 1993.
11. Мамычев А. Ю. Государственная власть в политическом процессе современной России: теоретико-методологический аспект политической и социокультурной трансформации : автореф. дис. ... д-ра полит. наук. – М., 2013.
12. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения : в 30 т. – Т. 1. – М. : Госполитиздат, 1954.
13. Мизес Л. фон. Либерализм. – М. : Социум, 2007.
14. Милуков П. Н. Очерки по истории русской культуры : в 3 т. – Т. 1. – М. : Прогресс, 1993.
15. Рикардо Д. Начала политической экономии и налогового обложения. – М. : Эксмо, 2007.
16. Ротбард М. Власть и рынок: Государство и экономика. – Челябинск : Социум, 2010.
17. Рэнд А. Капитализм: Неизвестный идеал. – М. : Альпина паблишерз, 2011.
18. Сергеевич В. И. Древности русского права : в 3 т. – М. : Изд-во Юрайт, 2007.
19. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. – М. : Эксмо, 2009.
20. Соловьёв С. М. История России с древнейших времен : в 6 кн. – СПб. : Соцэкгиз, 1962.
21. Шервуд Е. А. Законы лангобардов: Обычное право древнегерманского племени. – М. : Наука, 1992.
22. Kuhn T. S. The Structure of Scientific Revolutions. – Chicago, 1962.